

"Дядя Ваня" некоторым^x критикам не по вкусу. Нет, видите ли, сценичности. "Материнское благословение" нравится им больше. Вот тоже и другая хорошая пьеса есть: "Глитай, або ж павук".

Где уж бедному А.П.Чехову до настоящей пьесы! Ах, гг критикашечки! Не все то называется хорошей пьесой, что вам по плечу, и не все то плохо, чего вы не понимаете. Так только в средние века поступали: жгли книги, которых не понимали.

"Дядя Ваня" - пьеса современных настроений и должна быть дорога нам по одному тому, что ее написал самый яркий современный писатель. Не спорю, пьеса ровно ничего не теряет от того, что гг. критикашечки ее не одобрили и, как у Гоголя, "понюхали и пошли прочь", - но не хорошо, что из недомыслия этих гг. "нюхающих" вводится в заблуждение доверчивая часть публики.

Один, например, прямо пишет: "нам было скучно". Еще бы! "Дядя Ваня" - не вечер в Гранд-Отеле! Там этому многозначительному "нам" будет, конечно, веселее...

Старый одессит

с. 3.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Городской театр.

Какъ жалъ, что «Дядя Ваня» лежалъ такъ долго подъ снудомъ! Мы дорожимъ каждой новой вещью Чехова, а вѣдь тутъ разсыпано столько поэтическихъ красотъ, столько мѣлкихъ жизненныхъ наблюдений, что мнѣ иначе и не представляется эта пьеса, какъ перописаннымъ на сценическіе подмостки новымъ томкомъ чеховскихъ новеллъ, которому дано случайное, ничего не выражающее названіе.

Названіе, впрочемъ, часто дается по первому впечатлѣнію въ сборникъ разсказу; здѣсь оно дано, повидимому, по первому появившемуся дѣйствующему лицу. Въ сущности же «Дядя Ваня» — вовсе не герой пьесы, въ которой, впрочемъ, и нѣтъ героевъ, какъ-бы широко ни понимать это слово. Жизнь безъ героевъ, жизнь хмурую, безцѣльную, бессмысленную, «нудную» — вотъ что изображаетъ талантливый авторъ въ своей пьесѣ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ мастерски написанная картина этой жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ она производитъ впечатлѣніе неприкрашенной правды.

Жизнь, въ которой одни (Астровъ, дядя Ваня, Соня) цѣлымъ вѣкомъ трудятся, работаютъ до изнеможенія и душевнаго «надрыва», работаютъ въ разбродъ, бессмысленно, сами не зная для чего и во имя чего, безъ намекъ на личное счастье, которое не дается имъ даже въ видѣ сознанія достигнутой цѣли (ибо ея и нѣтъ), — а другіе какъ будто и стремятся къ определенной цѣли (профессоръ), но стремленіе это основано на лжи, фальши, лицемеріи и эгоистическомъ забданіи чужого вѣка — вотъ какова русская жизнь въ изображеніи г. Чехова. Гдѣ вы, люди живого, бодрящаго дѣла, соединяющаго въ себѣ элементъ личнаго счастья и сознательныхъ общественныхъ стремленій, гдѣ вы, откликнитесь? Нѣтъ ихъ среди этихъ хмурыхъ и нудныхъ людей....

Говорить, что «Дядя Ваня» страдаетъ отсутствіемъ надлежащаго тематическаго развитія, что пьеса не сценична. Въ этомъ есть значительная доля правды: внѣшняго движенія въ ней дѣйствительно мало, но за то въ ней есть нѣчто, съ точки зрѣнія впечатлѣнія, производимаго на зрителя, пожалуй, и поважнѣе: есть непередаваемое, прямо захватывающее публику внутреннее движеніе. Разсказать содержаніе этой пьесы болѣе чѣмъ трудно, ибо вся ея прелесть въ непередаваемыхъ красотахъ, въ невольномъ охватывающемъ зрителя элегическомъ настроеніи. Но при всемъ томъ въ пьесѣ есть главный сценическій элементъ — въ ней есть необходимая коллизія, колли-

зія двухъ началъ, одинаково «нудныхъ», но различныхъ по характеру началъ эгоизма и какого-то безполезнаго, безпочвеннаго альтруизма. Что изъ того, что Астровъ и дядя Ваня не заѣли чужого вѣка, какъ профессоръ, когда они заѣли свой вѣкъ, и никому отъ этого не стало ни тепло, ни холодно, а имъ гадко и больно? Въ жизнь этихъ безцѣльныхъ альтруистовъ вторгся, какъ мѣсяцъ въ осеннюю ночь, новый элементъ, освѣтившій ихъ жизнь, но, увы! какъ мѣсяцъ, ее не согрѣвшій.

Пріѣздъ профессорской четы вызвалъ большой переполохъ въ этой деревенской глуши, онъ выбилъ эту мертвую, сонную жизнь изъ коленъ, но изъ этого не только не вышло проку, а чуть было не произошла катастрофа, предотвращенная лишь побѣгомъ столичныхъ гостей во-свои. И какой чудной элегіей въ лицахъ заканчивается пьеса! «Уѣхали!» грустно повторяютъ одинъ за другимъ всѣ оставшіеся на прежнемъ положеніи обитатели этого деревенскаго уголка. «Уѣхали!» повторяютъ они, когда оставляютъ ихъ и Астровъ, плѣнникъ сердца Сони, но не платящій ей взаимностью. Начинается прежняя безцѣльная сонная жизнь: нахлѣбникъ Телѣгинъ (г. Богдановъ) наигрываетъ на гитарѣ, няня (г-жа Виноградова) усиленно зѣваетъ, мать Вани (г-жа Аграмова) ищетъ свои ученые статьи, дядя Ваня (г. Роцинъ) безнадежно плачетъ, а кроткая, добрая Соня (г-жа Паскалова) съ теплой вѣрой въ Промыселъ Божій и въ загробную жизнь утѣшаетъ своего дядю и товарища по несчастью, безпрестанно повторяя: «мы отдохнемъ, мы отдохнемъ»!..

Я не знаю, можетъ-ли самая сильная сценическая вещь произвести большее впечатлѣніе, чѣмъ эта живая картина. Ради нея одной стоитъ посмотреть «Дядю Ваню», тѣмъ болѣе, что и разыгрываютъ эту пьесу у насъ превосходно. Болѣе другихъ попали въ тонъ г-жи Невировичъ, Паскалова и г. Недѣлинъ. Первая (Елена Андреевна) была плѣнительна и обаятельна съ внѣшней стороны и съ внутренней дала вполне вѣрное изображеніе женщины, играющей лишь роль «эпизодическаго лица» въ окружающей ее жизни. Г-жа Паскалова въ роли Сони была просто неузнаваема и лишній разъ доказала разносторонность и гибкость своего таланта. Г. Недѣлинъ въ роли «дѣшнаго» (Астрова) далъ живое чисто-чеховское лицо. Менѣе удовлетворилъ меня г. Роцинъ-Исаровъ, которому не доставало въ исполненіи природной мягкости дяди Вани, его душевной теплоты. Остальнымъ были вполне приличны и создали въ общемъ превосходный ансамбль.

Старый Театралъ.

< И. М. Хейфецъ >

Тѣмъ же мѣст. у Н. П. Киселева
См. № 1340

Впечатлѣніе
написано 30.09.1898
с. 1 септ.